Молоток

В этот погожий, майский денёк новостройка (строили многоэтажку) дышала полной грудью: без конца подъезжали большие и не очень большие машины, разгружались. Башенный кран, устремившись к яркому, красноватому солнышку, постоянно что-то поднимал-опускал, бетонщики бетонировали, плотники плотничали, каменщики клали кладку, штукатуры штукатурили, и всё у работяг происходило весело, с матерком – русским и не очень русским. Короче, работа на стройке шла полным ходом.

Плотник Палыч сколачивал обыкновенную опалубку, в которую потом зальют бетон. Сколачивал он её с такой любовью, так подгонял доску к досочке, как будто это вовсе не опалубка будет, а мебель какая-то, или... гроб (прости меня, Господи), или... конь троянский. Палыч, высунув язык, старательно загонял гвозди, вдруг молоток в его руке «разобрался» – стальная головка слетела с деревянной рукоятки. Плотник начал было материться – с чувством, с расстановкой, но тут его на самом интересном месте прервал молодой мужской голос:

– Палыч!

– Ну, – повернул тот голову. Перед ним стоял бригадир плотников Серёга – бойкий, любящий деньгу, тридцатилетний парень.

– Тебя прораб зовёт.

– Прораб? Зовёт? Великий начальник! – Палыч усмехнулся, подбирая головку от молотка. – Серый, ты лучше скажи, когда на стройке инструментальщик появится?

– Я откуда знаю. Вот с прораба и спросишь. Иди, у него к тебе дело.

– Ну-ну... дело...

Палыч вошёл в вагончик прораба без стука – как привык. Снял каску, обнажив седую голову, прибрал волосы.

– Звал, Семён Кондратьич?

– Зва-а-ал! – протянул прораб Пулькин, живо выходя из-за стола. Он метнулся к плотнику, словно к дорогому гостю. Маленький лысик: пузатый, толстозадый, заискивающе глядя снизу вверх, приобнял высокого, плоскогрудого, широкоплечего Палыча и подвёл его к своему столу, вернее к стулу. Кожаному.

– Садись, дорогой.

Плотник не спешил садиться. Видя к себе хорошее отношение начальства, он всегда ожидал худого.

– Что ж ты не садишься?

Палыч сел и демонстративно выложил на стол молоток – головка отдельно, рукоятка отдельно. Прораб, засунув руки в карманы брюк, стал расхаживать вдоль стола.

– Ну, – указал плотник взглядом на «запчасти».

– Что, ну? – сделал вид, что не понял намёка, прораб Пулькин.

– Ты когда инструментальщика на работу примешь, Семён Кондратьич? На инструментальщике экономите, на новом, современном инструменте экономите, на…

– Тпррру-у! – осадил Палыча прораб. – Ты чё завёлся? Да ещё при людях.

И только теперь Палыч заметил «людю». В тёмном углу прямоугольного помещения сидел парень. Сообразив, что его плохо видно, парень поёрзал задницей по лавке, тем самым передвинувшись ближе к окошку. Дневной свет выхватил фигуру и лицо юноши лет восемнадцати. Худой, белобрысый парень смотрел как-то чересчур прямолинейно, я бы даже сказал – с вызовом.

– Знакомься, Палыч, Виктор… э…э…

– Можно просто – Витя, – сказал парень, решительно оторвавшись от лавки.

– Инструментальщик?! – обрадовался Палыч, приподнимаясь и пожимая вспотевшую, напряжённую ладонь парню.

– Я? Не. Я этот… плотник. Меня с «Центра занятости» направили.

– Не просто плотник, а выпускник строительного колледжа, плотник третьего разряда, – прорекламировал Пулькин юношу и, добавив торжественно: «Принимай напарника!», подтолкнул того к Палычу, мол, раскрывай объятья, старый, счастье тебе привалило.

Палыч объятий не раскрыл. У него в мгновенье пересохло во рту, он плюхнулся обратно на кожаный стул и машинально схватил за горло графин с водой. Прораб услужливо подставил стакан. Палыч выпил, выпил ещё. Парень по имени Витя стал переминаться с ноги на ногу.

– Се… Семён Кондратьич, а зачем мне напарник? Ты же знаешь, я работаю исключительно один.

– Один. Что значит – один? Вас семеро в бригаде плотников. Палыч, я знаю, что ты плотник экстра-класса, но пойми и меня: ты – пенсионер, а вдруг завтра ты плюнешь на меня, на стройку и уйдёшь.

– Куда уйду? – удивился Палыч.

– Не туда – куда ты подумал. А, к примеру, в лес – по грибы, на рыбалку – по…

– По рыбу, – подсказал плотник экстра-класса.

– Да хотя бы – по неё. Скажешь: всё, устал, завязываю работать, отдыхать хочу. С кем я тогда строить буду, Палыч?

– Да куда я уйду? У меня же контракт, Семён Контра… тьфу… Кондратьич.

– Контракт! – уже кричал прораб Пулькин, меряя шажками периметр вагончика. – А если с тобой действительно что-нибудь случится?! Годы-то берут своё! Палыч, – тут прораб сбавил тон. – Ну разве тебе самому не хочется передать кому-нибудь свои знания, навыки, секреты?

– Я сыну передал, – потупил взор Палыч.

– Кто у нас сын?

–…Менеджер.

– Фу-у-ухxx! Короче, возьмёшь напарника? – прораб Пулькин дал понять, что разговор заканчивается. Он вытащил из брюк большой носовой платок и начал сушить им от пота раскрасневшиеся лицо, лысину, толстую шею.

Палыч молчал. Затем проворчал, возвращаясь к наболевшему:

– Лучше бы ты инструментальщика взял.

– Инструментальщика? Стоп! – начальник хитро прищурился. – Подожди, Палыч. У тебя какой разряд? Шестой. А я помню, я учился: плотник второго тире шестого разряда должен уметь насаживать на рукоятку головку – будь то молоток, кувалдочка…

– Лопата, – без всякой иронии, совершенно серьёзно вставил своё слово парень по имени Витя. Вставил и осёкся.

– При чём тут лопата? – нахмурился прораб.

– Ах, значит, помнишь, учился? Тогда так, – Палыч с шумом покинул кожаный стул. – Какой, говоришь, у него разряд? Третий?

Пулькин и Витя кивнули одновременно.

– Тогда так: отремонтирует мой молоток – возьму напарником! – отрезал плотник экстра-класса.

– Отремонтирует, Палыч. Отремонтирует, – залебезил прораб.

– Лег-ко! – почему-то щёлкнул каблуками туфель по-гусарски парень по имени Витя.

– М-да, – посмотрел на новенькие, блестящие туфли юноши Палыч. – Ладно. Приноси, как отремонтируешь.

– Вместе принесём, – весь сияя, пообещал Пулькин и хлопнул плотника экстра-класса по груди.

– Ну-ну, – Палыч напялил на голову каску и вышел из вагончика, оставив свой «разобравшийся» молоток на столе прораба.

С испорченным настроением он вернулся к любимой опалубке. Да, настроение было неважнецким, но работать-то надо. Плотник решил воспользоваться запасным молотком, благо такой был. Не успел он забить и пяти гвоздей, как перед ним выросли двое: прораб и парень по имени Витя. Прораб выглядел довольным, а глаза парня теперь смотрели не только с вызовом, но и с каким-то снисхождением.

– Готово! – объявил прораб.

– Хм, – хмыкнул Витя и протянул молоток Палычу.

Палыч молоток не взял, но осмотрел.

– Готово, говоришь. Тогда испытывай. Бери гвоздь, забивай.

– Куда? – растерялся Витя.

– Да прямо в опалубку и забивай, в любую доску.

– Давай, выпускник колледжа! – подзадорил новоявленного плотника прораб Пулькин. – Покажи, чему тебя учили три года!

– Покажи, ага, – пробормотал Палыч и отошёл. Подальше. Прораб махнул на него рукой, оставшись стоять, как стоял.

Юноша взял в левую руку гвоздь, в правую молоток, приблизился к опалубке, приставил гвоздь к доске, размахнулся и-и-и...

– Уби-и-и-ли-и-и!!! – полетел по стройке истошный крик беременной штукатурщицы Вали Брусничкиной. – Прора-аба-а уби-и-и-ли-и-и!!!

Самосвалы перестали вываливать, бетонщики бетонировать, плотники колотить, каменщики и штукатуры побросали мастерки, замер и башенный кран, устремившись к уже не такому яркому солнышку. Работяги стройки образовали круг, в центре которого, раскинув руки, лежал прораб. На лбу прораба покоилась стальная головка от молотка. Держа голую рукоятку, рядом с прорабом стоял парень по имени Витя, очень похожий на статую из гипса. Над прорабом склонился плотник экстра-класса Палыч, он делал начальнику искусственное дыхание: в рот, правда, не дул, но на грудь давил от всей души. Ещё одна деталь – кроме Палыча над прорабом склонилась беременная штукатурщица Валя Брусничкина. Она в полголоса причитала какую-то абракадабру.

Палыч продолжал давить даже тогда, когда Пулькин открыл глаза.

– Ты ещё мне рёбра сломай, – прохрипел тот.

– Живой! – победно выкрикнул плотник. Работяги вздохнули с облегчением. А Валя Брусничкина разревелась. Понятно, что от радости.

– Подними меня, Палыч, – снова прохрипел прораб и, нащупав, зачем-то сжал в руке стальную головку от молотка.

– Конечно-конечно, – отбирая у начальника головку, пообещал Палыч и обещанье своё выполнил. Прораб Пулькин после долгих колебаний наконец принял устойчивую позу.

– Кто же так молотком, без клинышка, работает? – укоризненно сказал Палыч Виктору. – В рукоятке же прорезь есть, надо было клинышек забить.

– А вы нам не оставили... клинышка, – парировал упрёк, оживая, Витя.

– Идиот, – обречённо вымолвил прораб Пулькин. Поперёк лба его красовалась огромная лиловая шишенция. – И я – идиот, хотя и учился. Ух.... темно в глазах. Местами. Видимо сотрясение.

– Сейчас «скорая» приедет. Наверное, – перестала реветь штукатурщица Валя Брусничкина. Она подхватила пошатнувшегося Пулькина.

– Не надо, – отстранился прораб. – Завтра же позвоню в «Центр занятости», чтобы этого... обратно...

– Ладно уж, Семён Кондратьич, – добродушно сказал плотник Палыч. – Оставь мне парня, научу – чему смогу. А в «Центр занятости» всё равно позвони.

– Зачем? – блуждал зрачками прораб.

– Пускай инструментальщика пришлют!!! – выпалил со всей дури Палыч.

Договор

Осенним поздним вечером Кувыкин возвращался с работы домой. Только зашёл в полутёмную арку, и на тебе – классическая ситуация: двое вальяжных типов преградили ему дорогу.

– Мужик, деньги при себе имеются? – спросил, подмигнув, первый бандюган.

– Не юли, а то карманы оторвём, – пригрозил второй.

– Имеются, – честно ответил Кувыкин. – Восемьсот рублей: пятисотка и три по сто.

– Ну. И чего же ты ждёшь? Отдавай, – снова подмигнул первый.

– А то бить будем, – пообещал второй. И, в качестве аргумента, бандюганы показали свои нехилые кулаки.

– Щас. Разбежался, – вдруг огрызнулся с вызовом Кувыкин. – Почему это я свою, честно заработанную, заначку должен кому-то отдавать? Завтра суббота, я что – на сухую буду отдыхать? Не отдам.

– Как это... не отдашь? – опешил первый бандюган, беспорядочно моргая на оба глаза.

– Что?! Да мы тебя сейчас тут так укатаем! – взвился второй.

– Давайте. Но несколько фингалов и, возможно, пару переломчиков я вам гарантирую. – Будучи человеком неробкого десятка Кувыкин был настроен решительно, а в качестве контраргумента он вытащил из карманов свои, тоже внушительного размера кулаки.

– Так, спокойно, – осадил нервного подельника первый бандюган. – Мужик, все мы тут цивилизованные люди. Гони нам пятьсот рубликов, и разойдёмся кто куда.

– Не пригоню.

– Но мы же не можем тебя просто так отпустить. Подумай, что о нас скажут в нашем бандитском сообществе? Мужик, надо договариваться. Короче, и тебе, и нам не резон светить фингалами в темноте, о переломах я вообще молчу. Давай договоримся так – подерёмся, но не сильно. С тебя – триста рублей. И ты не потеряешь к себе уважение, и мы сохраним свой имидж. К тому же, у тебя остаётся пятисоточка – на выходные. Ну, договорились? Мужик?

Кувыкин в раздумье зачесал затылок.

– Ладно. Дерёмся несильно на... двести рублей, – согласился он, ввернув свою поправочку в договор.

– Чёрт с тобой, – вздохнули бандюганы.

И все трое ударили по рукам. Для начала.

Каменный цветок Тришкина

Богатый человек – Тришкин на досуге прочитал сказку Бажова про каменный цветок, ну и зацепила она его.

«Хочу, чтобы перед моим домом каменный цветок стоял!» – загорелся Тришкин. Он подбежал к окну, за которым робко блестело майское солнышко и мощно фонтанировал голубой кит помпезного исполнения: «Как раз вот тут, возле фонтана!»

Тут же Тришкин отдал приказ своим амбалам – разыскать человека, который смог бы осуществить его прихоть. И такой человек был найден. Это был местный скульптор абстракционист-натуралист-пофигист без имени, отчества и фамилии, все его звали просто – Мастер.

Тришкин встретил Мастера как родного: обнял его за плечи, усадил за стол, а на столе ой как было что выпить и чем закусить.

Выяснив заранее то, что Мастер пьёт всё подряд, но только стаканами, Тришкин сходу поднёс тому полный стакан «Абсолюта» и терпеливо дождавшись, пока тот допьёт и дожуёт ломтик ананаса, спросил:

– Скажи-ка, Мастер. А сможешь ли ты из камня цветок мне сварганить?

Мастер грустно заглянул в пустой стакан, почесал небритый подбородок и сказал:

– Смогу. Вам большой или так, к пиджаку прицепить?

– Огромный! – Тришкин взмахнул руками так, словно собирался взлететь. – Он будет стоять прямо под окнами моего трёхэтажного дома, возле фонтана.

Мастер опять почесал подбородок.

Снова забулькала водка. Мастер хлопнул второй стакан (на этот раз ничего не стал кушать) и сказал:

– Хорошо – выдолблю и такой. С вас гранит цельный размером с цветок, то есть кусок должен быть огромным, аванс сто баксов, ну и название цветка.

Тришкин обрадовался как ребёнок. Он отстегнул сто баксов, и тут же задумался:

– Название цветка... название... Знаешь что, Мастер, а ты на меня погляди.

– Ну, – Мастер качнулся вместе со стулом.

Тришкин наполнил третий стакан. Мастер выпил.

– Я сильный?!

– Допустим.

– Меня конкуренты боятся?!

– По-видимому.

– Мастер, я богат, суров, ко мне лучше не лезть и в то же время я – красивый. Вот я какой! Значит и цветок должен быть мне под стать.

– Ага, – Мастер сощурился. – Кажется я знаю, что вас устроит. Значит так, с вас огромный цельный гранит и арматуры сто метров. Как только будет материал – будет вам цветок.

– Завтра же всё будет доставлено.

– Окей! – Мастер козырнул. – Да, и фонтан выключите. – Он удалился, выпив на посошок четвёртый стакан водки.

На следующий день под окнами роскошного дома Тришкина был установлен огромный кусок гранита, рядом была свалена арматура. Явился и Мастер. Работа закипела.

Тришкин от стука кувалдой, визга перфоратора и «болгарки» чуть с ума не сошёл, поэтому на пару неделек умотал на Канары. Вернулся загорелый, в настроении и сразу к фонтану, к камню.

Камень был накрыт белым брезентом. Рядом, облокотившись на своё творение, со счастливым лицом стоял Мастер.

– Неужели готово? – недоверчиво поинтересовался Тришкин.

– Так точно! – взял под козырёк Мастер и дёрнул что есть силы за брезент. – Вуаля!

У Тришкина отвисла челюсть. Из голубого кита зафантанировала вода.

– Как вы и хотели! – Мастер весь сиял. – Огромный, грозный, устрашающий всех и вся и в тоже время красивый!.. кактус!!!